Т.Л. АСТРАХАНЦЕВА
Доктор искусствоведения, главный научный сотрудник НИИ РАХ
e-mail:tatiana.astrakhantseva@gmail.com

T.L. ASTRAKHANTSEVA
Doctor of art criticism, chief scientific officer Research Fellow at the institute of Theory and History of Visual Arts of the Russian Academy of Arts
e-mail:tatiana.astrakhantseva@gmail.com

«ШКОЛА РУССКИХ ИЗГНАННИКОВ» — РУССКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ ИНСТИТУТ В ПАРИЖЕ

«SCHOOL OF RUSSIAN EXILES» — RUSSIAN ART AND INDUSTRIAL INSTITUTE IN PARIS

В статье впервые изложены неизвестные ранее архивные документы, освещающие деятельность Русского художественно-промышленного института в Париже (1925–1930). Николай Васильевич Глоба (1859–1941) — директор Императорского Строгановского художественно-промышленного училища (1896–1917), эмигрировавший из России в 1925 году, был его организатором, продолжив и на чужбине свою феноменальную педагогическую деятельность. Институт дал возможность талантливым соотечественникам получить труднодоступное в эмиграции специальное художественное образование. На протяжении пяти лет Институт Глобы был настоящей альтернативой художественным заведениям в советской России, в которых были закрыты многие факультеты и отделения по подготовке иконописцев, художников и мастеров традиционного декоративно-прикладного и церковного искусства.

The article for the first time describes unknown earlier archival documents covering the activities of the Russian Art and Industrial Institute in Paris (1925–1930). Nikolai Globa (1859–1941) was the director of the Imperial Stroganov School of Industrial Art (1896–1917), who emigrated from Russia in 1925, was its organizer, con-

tinuing his phenomenal pedagogical activity. The Institute allowed talented compatriots to receive special art education difficult to access in emigration. For five years, the Globa Institute has been a real alternative to art institutions in Soviet Russia, where many faculties and departments for the training of iconographers, artists and masters of traditional decorative and church art have been closed.

Ключевые слова: Николай Васильевич Глоба, эмиграция, Париж, художественно-промышленное образование, «Школа кн. Ф.Ф.Юсупова», Русский художественно-промышленный институт.
Keywords: Nikolai Vasilyevich Globa, emigration, Paris, art and industry education, Stroganov school of kn. F.F.Yousupov, Russian art and industry Institute.

Николай Васильевич Глоба, бывший директор Императорского Строгановского художественно-промышленного училища (с 1896 по 1917 г.) эмигрировал из России в 1925 году. Оказавшись на чужбине, он продолжил свою феноменальную педагогическую деятельность. В Париже его ждали как выдающуюся личность, директора одного из лучших в России учебных заведений, создателя целостной системы профессионального художественного образования. Но эмиграции предшествовали тяжелых девять лет скитаний и «внутренней эмиграции».

В марте 1917 года монархист Н.В.Глоба, действительный статский советник, Камергер Двора, был уволен Временным правительством из Строгановского Училища, вернее, как стало известно из его автобиографии, «сам написал заявление об уходе» [1, с. 3]. Пробыв какое-то время в Москве, он с приходом к власти большевиков уезжает в Киев (читает лекции в Археологическом институте), а затем с правительством армии Деникина перебирается в Ростов, позже во Владикавказ (1919–1921), где участвует в создании Горского художественного института. В конце 1921 года по вызову А.В.Луначарского Глоба вновь приезжает в Москву и становится директором Московского Кустарного техникума. В 1925 году со своим новым учебным заведением он участвует на Парижской выставке декоративного искусства и художественной индустрии (произведения учащихся были удостоены Золотой медали), в Париже встречается с Ф.Ф.Юсуповым, сыном князя Юсупова, графа Сумарокова-Эльстон, бывшего Председателя Совета Императорского Строгановского Учили-

ща, с которым «был в наилучших отношениях», и ведет переговоры об открытии для русской молодежи художественно-промышленной школы [3, с. 8]. Вернувшись ненадолго в Россию, Глоба в конце 1925 года под предлогом лечения в европейской клинике навсегда, как оказалось, покидает родину.

Еще до его приезда в Париж в среде русских эмигрантов активно обсуждалась идея создания Школы декоративно-прикладного искусства, прежде всего, с «целью сохранить русский стиль во всем его прекрасном проявлении, и дать возможность русскому беженству материально пробиваться в тяжелых условиях эмиграции» [2, с. 7]. Но этот благой порыв мог быть осуществлен лишь при условии, «если у руля будет стоять человек, способный руководить столь обширным и ответственным делом, требующем очень глубоких познаний, как по части техники, так и по истории русского искусства» [2, с. 7]. К счастью, «для благого начала таковое лицо нашлось, в лице профессора Николая Васильевича Глобы» [там же]. Как пишет бывший депутат Государственной Думы Е.Крупенин, «этот человек, имя которого известно всей интеллигентной России, стоял во главе Императорского, Строгановского, художественно-промышленного училища в Москве, где он развернул училище в 1892 (1896 — Т.А.) году, имея бюджет всего 20 тыс. рубл. Он довел Строгановское Училище в 1913 году до 2500 обучавшихся в год, с бюджетом в 260,000 тыс. рубл. При громадном собственном здании, приспособленном по последнему слову науки и стоившему 10 миллионов» [2, с. 7]. Далее он отмечает, что эти же зачатки легли в основу новой (парижской — Т.А.) школы, и «всякий специалист может лично убедиться на месте, т.к. двери широко открыты, и Ник. Вас. Глоба охотно демонстрирует произведения своих учеников и работников. Их произведения достигли столь большого совершенства, как качественно, так и художественно, что стали рядом с лучшими образцами лучших иностранных производств, а часто и превосходили их красотой и оригинальностью» [2, с. 8].

На новое учебное заведение Юсупов жертвует «огромную сумму» — приблизительно 129200 в рублях, перечисленную из американских источников князя (впоследствии Институт будут финансировать Земгор, князь М.Горчаков и даже сам Н.В.Глоба) [3, с. 8]. Соотечественниками в Париже это было воспринято с воодушевлением: «Нет сомнения, что при энергии и широте пожертвований кн. Ф.Юсупова и того духовно-артистического импульса, какой дает Н.В.Глоба, дело это свя-

занное с историей развития искусства в России даст и в Париже плоды, которые не забудут все те, кто хотя бы временно побывает и поработает в стенах школы» [2, с. 8].

В Париж, действительно, приехал высокопрофессиональный специалист в области художественно-промышленного и декоративного образования, обладающий уникальным опытом организации учебного процесса. Кстати, из России Глоба привез немало учебных пособий по истории орнамента, художественной стилизации и даже керамическую скульптуру из «боярской серии», предназначавшуюся для повторного воспроизведения и тиражирования.

По решению Н.В.Глобы, учебное заведение называлось Художественно-промышленным институтом — так оно значилось в справочной литературе: «Русский художественно-промышленный институт в Париже» (L' emigration russe. Chronique de la vie scientifique, culturelle et sociale en France. 1940–1975. Vol. I–IV. Paris, 2000), в русской эмиграционной периодике. Но по горячей просьбе Юсупова институт стали именовать Русской школой князя Ф.Ф.Юсупова в Париже (Ecole russe des Arts Applications du Prince Youssoupoff) [3, с. 9]. Именно такое название стояло на всех бланках и документах Института (в обиходе Институт имел еще несколько названий: Школа прикладных искусств имени Строганова, Школа Н.Глобы, Институт декоративного искусства).

Русский художественно-промышленный институт располо-жился в 16 округе Парижа на улице Викторен Сарду 12 бис (12 bis rue Victorien Sardu) в арендованном доме современной 1925 года постройки (конструктивистское ар деко), имел светлую остекленную мастерскую, выходящую в прекрасный французский парк госпиталя доктора Перрен [4]. Однако, как выяснилось при изучении фондов Д.М.Домбровского [5], Институт имел еще один адрес: здание на Рю Гутенберг, 8 в Булони (пригород Парижа), на той же улице, где с 1920 по 1931 г. жил сам Ф.Юсупов (rue Goutenberg, 27).

Институтские занятия стали проходить с января 1926 года, хотя, по воспоминаниям М.В.Добужинского, они уже шли с осени 1925 года [7, с. 202]. 6 мая 1926 года состоялось собрание института, на котором присутствовал практически весь цвет художественной элиты русского Зарубежья: И.Я.Билибин, Б.Билинский, Борис Григорьев, Н.И.Исцеленов, К.Коровин, А.Лагорио, М.А.Лагорио-Исцеленова, Н.Д.Милиотти, А.Л.Поляков, С.Соломко, А.Экстер [6]. Глоба делает доклад о русском на-

циональном художестве и озвучивает цели и задачи, а также специальную учебную программу как «продолжение той, которая существовала в Императорском Строгановском училище и, частично, которая была выработана членами Общества Поощрения художеств», а именно: «широкое знакомство с древним русским творчеством и образцами древнего искусства», подчеркивая тем самым связь с рисовальными школами, ремесленными и кустарными мастерскими и предприятиями [3, с. 10], то есть недвусмысленно позиционирует Институт как преемника дореволюционной Строгановки и всего методического и художественного наследия. По его мнению Русский художественно-промышленный институт в Париже должен объединить в своих стенах «всех, работающих в области прикладных искусств, одинаково, как художников, так и лиц, желающих развить свое творческие способности, и приобрести те, или другие технические знания. Последним институт помогает в достижении наибольших успехов, вытекающих из совместной работы художников, учащихся и лиц, знающих технику специальностей. В то же время Институт поощряет широкое стремление вперед, с одной стороны, давая самые основательные знания, с другой — при изучении стилей сохраняя традиции русского художественного творчества» [2, с. 9]. Глоба считал, что «в творческом рисовании будут развиваться самые сложные замыслы, причем индивидуальному творчеству будет дано самое широкое место» [там же]. <…> «Обучать русских зарубежных людей, обладающих к тому же прямо исключительной талантливостью, всегда будет первенствующей задачей Института» [там же].

Следует отметить, что, хотя Глоба задумывал создание Института на академических принципах: с постановкой, натурой, изучением специфики декоративных искусств и декоративного стилизаторства, он, прежде всего, учитывал жесткие реалии жизни на чужбине. По его мнению, Институт «будучи Академией для художников, школой для учащихся, будет стремиться стать вместе с тем русским коммерческим домом на рынке и таким образом даст заработок всем, занимающимся в нем по прикладному искусству» [2, с. 8]. В этом заключалось отличительная особенность образования в русском Зарубежье от российского.

Приглашенный Глобой М.В.Добужинский вспоминал: «Вчера меня пригласил по рекомендации Юсупова к себе Глоба, бывший директор Строгановского училища в Москве, который на деньги Юсупова основал здесь Институт декоративного искусства, он уже функционирует

несколько месяцев. Они развивают это дело с осени и приглашают преподавателей и лекторов. Согласились уже Шухаев, Билибин и Стеллецкий. Я тоже дал свое согласие на руководство мастерской декоративной и плакатной, и может быть графической и обещал прочитать мои лекции по декоративному искусству. Пока у них 50 учеников (в Институте ежегодно обучалось более 200 человек — Т.А.), делают красивые шали, вышивки, набойки и эмаль. "Тон" всего начинания симпатичен, не официален. Глоба хочет, вообще, объединить здесь художников и дать заработок ученикам. Я думаю, что это даст большие знакомства, вся аристократия учится там, и, конечно, это будет оплачиваться не менее 3000 франков в месяц, может быть и больше. Кроме постоянных учеников в Институте декоративного искусства могли работать все желающие, для которых по вечерам устанавливалась натура. Сеанс длился два часа и стоил 4 франка» [7, с. 202].

Рис. 1. Изделия Русского художественно-промышленного института. Париж. Вторая половина 1920-х гг.

Как в Строгановском Училище, так и в парижском Институте (на улице Викторьен Сарду и в Булони) были оборудовали помещения под мастерские: художественного шитья, набойки, пошуара (рисование по трафарету), эмалевой инкрустации и по работе с фарфором, по изготовлению чеканки, ювелирному делу, ткацкому, литографическому, керамике, литейному, столярному, резному, кожанному; гальванопластики. В мастерских учащиеся выполняли заказы Ф.Юсупова для его фарфоровой фабрики «Фолья» и Дома моды «Ирфе», для Дома вышивки «Китмор» вел. кн. Марии Павловны Романовой (шарфы, платки и пр.), для мастерских, обшивающих и одевающих артистов театра, кино, варьете, расписывались иконы и церковная утварь — под руководством Глобы и по его ри-

сункам ученики выполняли чеканные оклады, шили пелены, плащиницы (для церкви св. Серафима Саровского на рю Лекурб и для церкви Знаменья на бульваре Экзельманс), вырезали деревянные кресты, а также осваивали искусство гравюры, керамической скульптуры и пр.

Заведовать мастерскими Глоба пригласил старшую сестру М.А.Исцеленовой-Лагорио Александру Лагорио (в пошуарную), Б.А.Меллер (в эмалевую), Б.И.Родонич (в фарфоровую), Глоба самоотверженно взял на себя отдельно руководство мастерской художественного шитья (позже Александра Лагорио вместе с Л.Е.Родзянко стала преподавать роспись по фарфору и по эмали) [2, с. 8]. В.И.Шухаев, И.Я.Билибин, Д.С. Стеллецкий и М.В.Добужинский должны были преподавать в вечерних классах. И.Я.Билибин вел русский орнамент и лубок, Н.Д.Милиоти и В.И. Шухаев — живопись. М.В.Добужинский — композицию, живопись, рисунок (в анонсе от 27 марта 1927 года эмигрантского издания «Последние новости» И.Я. Билибин уже ведет композицию, М.В. Добужинский — декоративное рисование, а М.В. Кирвуд — стилизацию) [9, p. 313].

Методы преподавания парижского Института сильно отличались от методов преподавания в дореволюционном Строгановском училище — приоритеты здесь отдавались занятиям в мастерских, а не занятиям в классах. Вот как сам Н.В.Глоба объясняет эту причину: «Широко поставить художественное образование не было возможности за неимением средств, с одной стороны, а с другой — в условиях беженства не было надобности в этом, так как состав учащихся состоял из взрослых, не претендовавших на изучение искусства, а желавших научиться работать по избранной специальности для заработка» [3, с. 9]. В мастерских Института дело было поставлено таким образом, что директор в большинстве случаев сам компоновал рисунки для исполнения, хотя, например, в мастерской пошуарной или фарфоровой учащиеся часто выполняли свои композиции самостоятельно, но, «конечно, под руководством заведующего мастерской или по заданию и материалу, полученному от директора» [3, с. 11]. Затем они исполняли ту или иную работу в материале, постепенно приобретая технические навыки и развивая свой вкус. Так, по мнению Глобы, они приучались к решению разнообразных задач, «исподволь подходили к самостоятельной работе и к очень большим результатам» [там же]. Общее художественное развитие учащихся обогащалось не нагромождениями бесчисленных и мало пригодных для специальности сведений по общеобразовательным и художественным

предметам, а в работе над проектом в мастерской, где как раз и приходилось серьезно и много «изучать рисунок, упражняться в колорите, композиции в красках» [3, с. 12].

Глоба считал, что «каждый час, проведенный в работе в мастерской не менее значителен для развития глаза, руки и вкуса, чем час занятий в художественном классе» [там же]. Такая система обучения «давала в художественном отношении очень большие результаты, <…> потому почти всякая работа отличалась большими художественными достоинствами <…> Как только учащийся овладевал положением и навыками, он начинал чувствовать действительные достоинства своей работы, впитывать в себя не модную, <…> всегда почти кажущуюся красоту вещи, а находить истинную для нее красоту, родственную по сердцу и душе» [там же].

Занятия обычно начинались в 9 утра и проходили до 7 вечера, но часто могли заканчиваться и позже, когда нужно было исполнить тот или иной заказ.

Постепенно количество учащихся увеличивалось, и заказы исполняли уже все мастерские. Больше всего было заказов в пошуарной мастерской, которая таким образом на сравнительно дешевых вещах приносила школе больше всего дохода. В художественном отношении славу школы составляли мастерские художественной вышивки и эмали.

В 1926 году Институт сделал первую продукцию за месяц на 250 франков, а в конце года — на 31892 франка, в следующем году (1927) — на 282298 франков, причем надо понимать, что «коммерческая сторона дела оставляла желать лучшего» [3, с. 9]. Все мастерские и вечерние классы посещались очень усердно, и в самом скором времени «Школа» заявила себя с самой лучшей стороны. Лучшие произведения учеников отбирались для продажи в лавке князя [8], а также на конкурсы и выставки. В газете «Последние новости» читаем: «В декабре 1928 года — происходит вручение наград Русской художественно-промышленной школе за участие в организованной мэрией Парижа XVI округа большой выставке. Директору Глобе Н.В. присуждена золотая медаль, сотрудникам школы Т.С. Ижболдиной, В.М. Добролюбовой, А.Ф. Лукези, Б.А. Меллер, В.В. Сергееву и Полю Плино — дипломы и золотые медали» [9, p. 507].

Но к 1929 году положение Института стало меняться. Несмотря на успех, его педагоги начали испытывать серьезные материальные трудности. 21 января 1929 года Глоба получает письмо от князя Феликса

Юсупова о ликвидации Института, но отказывается его закрывать и какое-то время пытается содержать на свои средства. В 1930 году Институт окончательно закрывается.

Русский художественно-промышленный институт — второе детище Н.В. Глобы (ее еще называли «школой русских изгнанников»), рожденное на чужбине, был высококлассным учебным заведением со сложившей и отработанной методикой преподавания. Хотя он и не был массово востребован, но для сохранения преемственности был нужен русской эмиграции. Институт стал настоящей альтернативой художественному образованию в России первых лет советской власти (левому, отрицающему культурное наследие). Традиционное, звучавшее в советской России как реакционное и старое, в Зарубежье обрело новую жизнь, означало, что русское художественное образование (сюда входили иконопись и храмовая роспись, совершенно немыслимые в советской России) — это заповедное, хранилище всего истинного, которому в советской России грозила смерть и полное забвение. Уникальный метод Глобы преподавания декоративно-прикладного искусства дал несколько блестящих десятилетий «ренессанса в изгнании».

Примечания:

1. Автобиография Н.В.Глобы. Рукопись. Архив Д.М. Домбровского. Д. 1. Передан в 2018 г. в РГАЛИ.

2. *Евг. Крупенин.* Художественно-промышленная школа. Париж. 2 августа 1927. Машинописная рукопись // Архив Д.М. Домбровского. Д. 5.

3. Биография Н.В.Глобы, написанная для баронессы М.Врангель. 17 октября 1931 года. Рукопись. Архив Д.М.Домбровского. Франция.

4. Академик Императорской академии художеств Николай Васильевич Глоба и Строгановское училище / составитель Т.Л.Астраханцева. — Изд. 2-е. — М.: Индрик, 2017.

5. Д.М. Домбровский (1940–2018, Медон, Франция), внучатый племянник Глобы, был последним хранителем его наследия. В коллекции находились архив Н.В. Глобы, предметы декоративно-прикладного и театрального искусства, живописные портреты и пейзажи, графика. С июня 2017 года архив перевезен в Россию (РГАЛИ).

6. *Астраханцева Т.Л.* «Внутренняя» и внешняя эмиграция Николая Васильевича Глобы // Художественная культура русского зарубежья: 1917–1939. Сб. статей. — М., 2008.

7. *Добужинский М.В.* Письма. — СПб., 2001. — С. 202.

8. Продававшаяся в 2016 г. на парижском аукционе Друо рубашка с народной вышивкой из коллекции Ф. Юсупова, вероятнее всего, была сделана именно в парижском Институте Глобы.

9. L'emigration russe. Chronique de la vie scientifique, culturelle et sociale en France. 1940–1975. Vol. I. Paris, 2000.

Список литературы:

1. *Зеелер В.* Русские художники в Париже // Русский альманах. Справочник. — Paris, 1930. — С. 138.

2. *Астраханцева Т.Л.* «Внутренняя» и внешняя эмиграция Николая Ва- сильевича Глобы // Художественная культура Русского зарубежья 1917–1939: Сборник статей / ответственный редактор Г.И. Вздорнов. — Москва: Индрик, 2008. — С. 264–283.

3. *Астраханцева Т.Л.* К вопросу об изучении художественного образования в Русском Зарубежье // Изобразительное искусство, архитектура и искусство- ведение Русского Зарубежья. — Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2008. — С. 34–44.

4. Академик Императорской академии художеств Николай Васильевич Глоба и Строгановское училище / составитель Т.Л.Астраханцева. — Изд. 2-е. — Москва: Индрик, 2017.